

ПЕРЕСТУПИВ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ

Драматургия Камиля Яшена многолюдна и разнолика. Среди его героев можно увидеть бедняка-деханкина предреволюционных лет Бурана и легендарного героя Кёр-оглы, деятельную председательницу колхоза Офтахон и отважного Сабира Рахимова — первого узбекского генерала, рвущуюся к свободе и счастьем очаровательную Гульсару и бесстрашного борца с невежеством, изуверством, темнотой Хамзу Хаким-заде Ниязи, выдающегося поэта, драматурга, общественного деятеля. Разнообразная яркость, энергия этих образов — живое, неоспоримое свидетельство и богатства современной узбекской действительности, и творческой смелости, отзывчивости драматурга, умеющего находить точные и впечатляющие слова для самых несхожих характеров, коллизий, сюжетов.

На этот раз источником его вдохновения стала прекрасная поэма Алишера Навои «Семь планет». По ее мотивам Камиль Яшен и написал драматическую поэму «Диларам»*, взяв за основу историю легендарного властителя Бахрама и его прелестной подруги, изливавшей свои думы и чувства в

чудесных песнях. Их сердечные и творческие радости, огорчения, тревоги волновали воображение исполинов древней поэзии Фирдоуси, Низами, Эмира Хосрова, а один из величайших поэтов нового времени Иоганн Вольфганг Гёте написал в своем «Западно-восточном диване»: «Шех Бахрам открыл нам рифмы сладость, его душа язык в ней обрела, и чувств ответных девственную радость его подруга в рифмах излила».

Теперь пылкий и своенравный падишах Бахрам, нежная, умная, добрая и обаятельная Диларам продолжают свой путь в веках, воскрешенные, преображенные соответственно представлениям и вкусам нашего времени. Они предстают перед нашими читателями (а можно предполагать, и зрителями, потому что речь идет о произведении, сильном достоинствами не только литературными, но и сценическими) в ореоле жарких, крупных страстей, связанные крепко-накрепко neodолжимым, могучим сердечным влечением и все-таки разъединяемые ухищрениями и интригами, за которыми — подлость и безнравственность хищнического, эксплуататорского строя.

Не в ущерб полноте воплощения любви Яшен рельефно прорисовывает черты злобы и коварства. Наиболее серьезный из тех, кто умышляет недоброе — придворный Арташер, — совсем не прост, не одиозен: он фигура противоречивая, но глубина чувства, кото-

рое в нем пробудила Диларам, оттеняет свойственную ему готовность к любым низким поступкам, отсутствие каких-либо моральных устоев. Это характер многомерный и вместе с тем направленный в одну лишь дурную сторону так же решительно, как направлен к утверждению добра старый воспитатель, учитель Бахрама, мудрый Нугман.

Эти деятельные участники разыгрываемой драмы противостоят друг другу и действиями, и образом мыслей не только в отношении к любви Бахрама и Диларам, но и в представлениях об общественном благе: о судьбах страны. Память о народе постоянно присутствует в поэме, и именно ему предоставил драматург завершающее, веское слово в заключительной сцене.

Камиль Яшен здесь верен одновременно и своим собственным устремлениям, и духу, смыслу творчества Навои. Великий поэт завершал поэму «Семь планет» напутствием: «Мой труд! Начни в родной стране свой путь, народу моему желанным будь, чтобы могла сердца людей зажечь моя правдолюбивая речь» — и эти слова о народе и о правдолюбивой речи не были случайными, нечаянными. Навои твердо и бесповоротно провозгласил: «Высоким званьем «Человек» достоин зваться тот, кто о народе никогда не оставлял забот». Воинствующая человечность образов Навои естественно находит органический и сильный отклик в твор-

честве современного поэта, побуждает его к самостоятельным поискам, решениям, открытиям.

Прочно вошли в историю двух влюбленных и споры о будущем страны, о счастье народа, и тема самой поэзии, воплощенная в словах Диларам, ее облике, ее судьбе. Отдадим должное переводу Сергея Северцева: его строки передают сосредоточенную напряженность развернутых, пространственных монологов, остроту, подвижность диалога, непосредственность, проникновенность песен, распеваемых красавицей. Песни эти лиричны, задушевные и одновременно исполнены величия, мудрости, заботы об общем человеческом счастье. И потому-то уже после гибели обоих влюбленных все же слышен голос Диларам — «к надежде, счастью, братству зовет ее пророческая песнь». Ведь и в самом деле многое может сделать поэзия, поднимающая, очищающая людей, ведущая их по путям общественного созидания. Итог и обещание, надежда и призыв в заключительных, финальных словах:

Да будет вечно жить,
со злом и горем споря,
Искусство и любовь,
мечты и красота!

О необходимости, жизненности этого спора, его высокой сути и сказал нам в своей драматической поэме Камиль Яшен пронзительно и убежденно.

И. ГРИНБЕРГ.

* Камиль Яшен. Диларам. Перевод с узбекского Сергея Северцева. «Советский писатель». М., 1974 г.

«Сов. культура», 1975, 21 марта